

Екатерина Свет  
Таня Белкова

ЗАБОТА  
ДВИЖЕНИЕ  
ЖИЗНЬ

ОПЕРАЦИОННАЯ

Мой  
хирург-ортопед.  
СТАЛЬНОЙ  
— ОСТОВ —

Таня Белкова

**Мой хирург-ортопед.  
Стальной остов**

«Автор»

«Автор»

2026

**Белкова Т.**

Мой хирург-ортопед. Стальной остов / Т. Белкова — «Автор»,  
«Автор», 2026

Я пришла в травмоцентр работать, а не влюбляться. Но в ночь железнодорожной катастрофы против меня встал весь консилиум — и только Ярослав Ковалев, грозный хирург с руками кузнеца, поверил моим расчетам. Теперь мы вместе спасаем молодого машиниста, которого влиятельный холдинг хочет сделать виновником трагедии. Нас ждут подкуп, угрозы и предательство человека, которого я считала учителем. Ярослав готов закрыть меня собой от любой беды. Вот только его сердце десять лет принадлежит погибшей невесте, а я слишком хорошо помню, чем заканчивается доверие мужчине. Сумеем ли мы удержать чужую жизнь — и рискнуть собственной любовью?

© Белкова Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1. Бунт в шок-зале          | 6  |
| Глава 2. Стержни и замок          | 9  |
| Глава 3. Ключ и кардамон          | 13 |
| Глава 4. Живая стопа              | 18 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 20 |

# **Екатерина Свет**

## **Мой хирург-ортопед. Стальной остов**

Мой хирург-ортопед. Стальной остов  
Екатерина Свет и Таня Белкова

## Глава 1. Бунт в шок-зале

Ночь с четверга на пятницу в Республиканском центре сочетанной травматологии пахла мокрым гранитом, хлорамином и остывшим чаем. Шел третий час — глухое, мертвенное больничное безвременье, когда неоновые лампы в коридорах начинают зудеть на низкой, давящей ноте, выматывая душу.

Я сидела в полутемной пультавой кабинета компьютерной томографии, согревая озябшие пальцы о бока граненой кружки. Шла всего третья неделя моей работы здесь после ухода из столичного диагностического центра. Местные хирурги старой закалки смотрели на меня с вежливой, едва прикрытой снисходительностью: «кабинетный теоретик», «девочка с красивым софтом». Они привыкли доверять только грубому хрусту костных отломков под собственными пальцами, а не трехмерным воксельным матрицам на экранах моих рабочих станций.

В 02:42 тишина разорвалась в клочья.

Двери шлюза с грохотом распахнулись от удара ногой. В коридоре истошно завывали сирены скорой, загрохотали колеса, и в мой кабинет на полном ходу влетела заляпанная дорожной грязью каталка.

— Томограф свободен?! — выкрикнул молодой фельдшер скорой Олег с серым от пота лицом и мокрыми от крови рукавами. — Пригородный шесть-четыре-двенадцать, крушение у перегона Заречье! Машинист зажат в смятой кабине электровоза, извлечен гидравликой! Шок третьей степени, давление семьдесят на сорок, пульс нитевидный, сто тридцать!

На носилках лежал двадцативосьмилетний парень в разорванной синей форме железнодорожника. Таз был неестественно перекошен, вывернут наружу, а правое бедро вздулось багрово-синим чудовищным пузырем, вдвое толще здоровой ноги. Парень хрипел, судорожно ловя воздух, губы были цвета сухого асфальта.

Следом влетел начмед Борис Маркович Гендель, на ходу расстегивая халат на пухлой груди:

— Никакого томографа! Он уплывет на столе! Сразу в первый оперблок на четвертый этаж! Там профузное забрюшинное кровотечение и полный разрыв тазового кольца. Быстрая экзартикуляция правого бедра, перевязка культи, тампонада малого таза простынями — и в реанимацию. Иначе парень умрет прямо под трубой!

Ампутация. Отрезать живую ногу за пять минут, лишь бы уложить искалеченного человека в безопасный статистический норматив внутрибольничной выживаемости.

Внутри меня словно щелкнул взведенный курок. Страх показаться дерзкой, новенькой, не своей — все вылетело из головы. Я шагнула наперерез каталке и обеими руками намертво вдавила металлические стопоры колес:

— Стоять! Никакой ампутации без сканирования сосудов!

— Смирнова, вы с ума сошли?! — взвизгнул Гендель, багровея шеей. — Вы рентгенолог, ваше дело — тени в архив подшивать! У парня шок третьей степени!

— Если вы отсечете ногу при неповрежденной артерии, он погибнет от ампутационного шока прямо на столе! Мне нужно ровно сорок секунд. Степаныч, подключай датчики, я запускаю болюсный контраст!

Анестезиолог Степан Корнеев, для всех просто Степаныч, седой циник, повидавший сотни смертей, встретился со мной взглядом. Что-то в моих расширенных зрачках заставило его матюкнуться в усы и щелкнуть клапаном инфузомата:

— Хрен с тобой, девочка. Даю плазму струйно под давлением. Сорок секунд, Смирнова, и ни мигом дольше!

Санитары перекинули носилки на стол 128-срезового сканера. Я метнулась в пультавую, захлопнула тяжелую свинцовую дверь и вбила команду старта. Кольцо томографа взвыло, разгоняясь до предельных оборотов. Стол плавно скользнул внутрь тоннеля. На экранах побежали воксельные срезы, контраст вспыхнул в сосудах ярким неоновым деревом. Я отсекала мягкие ткани, запуская трехмерную ангиографию тазового кольца.

Мороз пробежал по коже:

— Жива... черт возьми, нога еще жива!

Наружная подвздошная артерия была цела! Острый треугольный костный клин от гребня подвздошной кости вошел в мышечное ложе и лишь придавил артериальный ствол к связке, словно бельево́й прищепкой. Кровоток дистальнее сохранялся на тридцать процентов — слабый, пульсирующий, но живой! Ткани не погибли. Если снять компрессию и восстановить геометрию таза, парень будет ходить!

Я нажала комбинацию клавиш отправки модели в локальную сеть травмоблока. И тут экран замер: «Ошибка шлюза PACS. Превышено время ожидания сервера». Больничная сеть захлебнулась от ночного наплыва пострадавших.

Ждать перезагрузки значило подарить живую ногу ампутационному ножу Генделя. Я сорвала со стены противоударный планшет, перекачала сырой массив данных по прямому кабелю USB-C, сбросила белый халат и в одном синем хирургическом костюме помчалась по лестнице на четвертый этаж, перепрыгивая через две ступени.

В шок-зале первого оперблока стоял удушливый запах крови, спирта и жженой плоти. Пациент лежал под слепящими бестеневыми лампами. Сестра разворачивала простыню, а Гендель, натянув перчатки, уже держал в пальцах длинный сверкающий ампутационный нож с широким серповидным лезвием.

— Борис Маркович, стойте! — крикнула я, врываясь в зал и поднимая светящийся планшет над головой. — Артерия цела! Там компрессия костным отломком, бедро можно спасти! Гендель даже не обернулся, его лицо под маской перекосило от бешенства:

— Смирнова, вон! Сестра, охрану! У больного давление пятьдесят, я произвожу экзартикуляцию бедра по жизненным показаниям!

— Посмотрите на экран! — я шагнула вперед, нарушая стерильную зону, и развернула трехмерную модель перед глазами всей бригады. — Это не фантазии, это сосудистая реконструкция! Отрезать ногу сейчас — сделать парня инвалидом ради пятиминутной операции и чистой отчетности!

— Вон! — Гендель в ярости сгреб меня за предплечье влажной перчаткой, пытаясь вытолкнуть в шлюз.

Дверь шлюза со звоном врезалась в кафельную стену.

В дверном проеме вырос силуэт такой ширины, что заслонил весь свет коридора. Ярослав Николаевич Ковалев — ведущий хирург центра, двухметровый гигант с тяжелой челюстью и серыми, как рельсовая сталь, глазами. Его зеленая куртка на груди насквозь промокла от пота после многочасовой операции. От него пахло хлоргексидином, озоном и раскаленным металлом.

Ярослав молча перехватил запястье начмеда, мягко, но несокрушимо отвел его руку от моего плеча и забрал планшет. Его огромная, горячая ладонь на мгновение коснулась моих холодных пальцев — меня накрыло плотным, сухим теплом его ладони, от которого внутри мгновенно улеглась лихорадочная паника. Пять секунд он сканировал взглядом модель, затем посмотрел на начмеда:

— Положи нож, Борис Маркович. Смирнова права. Нога жизнеспособна.

— Ковалев! — задохнулся Гендель. — Это нарушение протокола! Если он умрет от шока во время твоей возни со спицами — я лично подпишу рапорт в Следственный комитет! Ты вылетишь из медицины с волчьим билетом!

Ярослав молча взял ручку с лотка, обмакнул перо в каплю крови Самойлова на краю простыни и размашисто расписался в карте больного:

— Беру единоличную ответственность на себя. Превышение полномочий — это отрезать здоровую ногу парню, у которого вся жизнь впереди.

Сердце подпрыгнуло к самому горлу. Я шагнула к столу, выхватила ручку и поставила подпись рядом:

— Врач-навигатор Смирнова. Расчет траектории и оптическое наведение беру на себя.

Гендель сорвал перчатки, швырнул их в ведро для отходов и вылетел вон, хлопнув дверью так, что задрожали стеклянные шкафы. Мост за нашими спинами сгорел.

Старшая операционная сестра Тамара Васильевна стояла белая как мел, прижимая руки к груди:

— Ярослав Николаевич... Борис Маркович же премии лишит... он запретил трогать швейцарские титановые наборы без его визы...

— Тамара, дыши, — спокойно произнес Ковалев. — Парень на столе живой. Все остальное решим потом.

Я не стала ждать уговоров. Сама сорвала крафт-пакет со стерильным бельем, обложила раздробленное бедро салфетками с коричневым йодопионом и скомандовала:

— Степаныч, второй венозный доступ в подключичную! Тамара, силовой привод, стержни Шанца четыре миллиметра и спицы Киршнера — на стол! Быстро!

Рентген-лаборанта не было. Я накинула тяжелый пятнадцатикилограммовый свинцовый фартук, затянула липучки на поясице и в одиночку, упершись кроссовками в пол, подкатила полутонную стойку С-дуги к столу. Кабель трекера вошел в гнездо с четким щелчком, зеленый лазерный прицел лег на кожу пациента:

— С-дуга в сети, Ярослав Николаевич. Погрешность наведения — ноль целых три десятых миллиметра. Мы готовы.

Ковалев натягивал вторую пару перчаток. Его серые глаза над маской потеплели:

— Спасибо, Лидя. Ты железная женщина. Начинаем.

## Глава 2. Стержни и замок

Скальпель рассек кожу бедра от верхушки вертела вниз.

Зрелище было тяжелым: межмышечные пространства залиты гематомой больше литра, разорванные ткани цвета темной сливы, сквозь которые сочилась кровь. Анатомические ориентиры тонули в серой мути стандартного рентгена.

— Не видно костных контуров, — глухо бросил Ярослав, осушая рану тампоном. — Каша из костной крошки.

— Убираю тень крови, — я переключила алгоритм С-дуги на субтракционную цифровую фильтрацию высокой плотности. Серый туман растаял, контур кости вспыхнул золотисто-зеленым неонem. — Точка входа — полтора сантиметра дистальнее основания вертела. Угол атаки пятнадцать градусов. Сверли!

Ярослав приставил стержень Шанца к кости и нажал педаль. Пневмодрель запела тонким визгом.

И в этот миг сестра Тамара щелкнула педалью коагулятора, прижигая кровоточащий сосуд. Яркая радиочастотная искра дала мощную наводку на кабель датчика: трехмерная сетка на моем мониторе судорожно дернулась и сорвалась на пять миллиметров латеральнее — прямо на ствол бедренного сосудисто-нервного пучка! Дрель продолжала реветь, уходя в кость.

— Стой! — крикнула я и всем телом навалилась на руку Ковалева, сбивая траекторию.

Сверло со скрежетом чиркнуло по надкостнице вхолостую и замерло. Ярослав тяжело задышал, глядя на меня побелевшими глазами:

— Лида, ты с ума сошла?!

— Помеха от коагулятора! — задыхаясь, показала я на экран. — Сетка ушла в нерв! Еще полмиллиметра — и он остался бы парализованным калекой!

Ковалев посмотрел на дно раны, где у самого жала сверла пульсировал желтоватый ствол нерва, и сглотнул ком в горле:

— Вырубай навигатор. Будем вскрывать четырехглавую мышцу широким слепым разрезом.

— Не смей резать! Еще разрез — и он истечет кровью! Дай шестьдесят секунд!

Я схватила стерильный синий маркер и металлическую градуированную линейку. Мои пальцы быстро ощупали переднюю верхнюю ость подвздошной кости, верхушку большого вертела и латеральный надмыщелок бедренной кости. Соединив точки линиями прямо по коже пациента, я начертила топографический треугольник:

— Вот анатомический базис. Медиана дает ось бедра. Сверли под углом пятнадцать градусов к медиане, я держу линейку пальцами. Твоя сила — моя геометрия!

Ярослав посмотрел на разметку, затем мне в глаза:

— Держи крепче, Лида.

Вибрация пневмопривода ударила мне в пальцы, дробью отдаваясь в ключицах. Стержень прошел плотный кортикал и надежно встал в губчатую кость вертела на глубине сорока пяти миллиметров.

— Есть первый! — выдохнул Степаныч. — Давление стабильно, восемьдесят пять на пятьдесят!

— Переходим к колену, — Ярослав приставил инструмент к дистальному фрагменту. Но стержень спружинил и соскользнул с неестественно гладкой кости.

Я повернула С-дугу на девяносто градусов, давая аксиальную проекцию сустава:

— Ярослав, стоп! Мыщелок не просто смещен. Он развернут вокруг продольной оси на девяносто градусов! Коленный сустав заклинен в ложной ротации!

Попытка захватить кость щипцами Олье провалилась — влажная надкостница была слишком скользкой, зубцы со скрежетом сорвались. Ковалев бросил щипцы в лоток:

— Мышцы в спазме, тянут кость назад с огромной силой. Нужна ручная деротация. Лида, держи колено обоими предплечьями, блокируй голень!

Я навалилась грудью на сустав больного, намертво вдавливая его в стол. Ярослав обхватил мыщелок бедра своими огромными ладонями в двойных перчатках, уперся тазом в край стола и с хрипом всем своим богатырским весом рванул костный массив против часовой стрелки. Жилы на его шее вздулись канатами.

И вдруг в тишине операционной раздался оглушительный, сухой костный звук:

*ЩЁЛК!*

Сустав встал в анатомическое ложе. Ткани под моими руками мгновенно расслабились, ось ноги выпрямилась в струну.

— Тамара, карбоновую балку! — скомандовал Ярослав.

На стержни надели муфты, пропустили толстую черную штангу из углепластикового композита. Контргайки требовалось затянуть динамометрическим ключом с усилием в двенадцать Ньютон-метров. Тамара не удерживала ключ, муфта прокручивалась.

— Я подержу, — я перехватила основание ключа снизу, упираясь ладонью в замок.

Ярослав шагнул вплотную ко мне.

Его широкая, горячая ладонь легла поверх моих пальцев на рукоятки. Сквозь тонкий латекс перчаток меня словно прошило электрическим током: сухой жар его кожи, мощный ровный пульс, несокрушимое мужское спокойствие. Наши взгляды скрестились над масками. В его глазах вспыхнуло такое чистое восхищение, что у меня перехватило дыхание.

— Тянем вместе, Лида.

Его рука надавила на мою, сливая наши силы воедино. Ключ провернулся:

*Клик-клик.*

Карбоновая балка замкнулась. Бедро Самойлова превратилось в монолит. Ярослав не сразу убрал ладонь, задержав свои пальцы на моих чуть дольше, согревая мою кожу:

— Держит мертво. Отличная работа, напарница.

И в этот миг монитор заверещал истошным сигналом тревоги.

— Давление шестьдесят на тридцать! — заорал Степаныч, сжимая дыхательный мешок.

— В бедре сухо, а давление рушится лавиной! Мы его теряем, Ковалев! Он истекает кровью изнутри!

\* \* \*

Я рванула манипулятор С-дуги, разворачивая трубку под углом сорок пять градусов к тазу машиниста, и ударила по педали. Экран вспыхнул.

— Вот оно! — крикнула я. — Заднее полукольцо разорвано, вертлужная впадина расколота надвое! Массивное забрюшинное кровотечение из губчатой ткани и подвздошных вен!

— Отек легких! — хрипел Степаныч. — Сатурация семьдесят шесть, на кардиограмме экстрасистолы! Через пять минут сердце встанет в асистолию!

Стандартный доступ требовал разреза по седалищной ости и проведения длинной спицы на сто десять миллиметров — это заняло бы минимум пятнадцать минут, которых у нас не было. Я наложила проекцию Inlet на Obturator Foramen, вращая виртуальный таз в трех измерениях:

— Ярослав! Длинную спицу не успеем. Заходи через надацетабулярную борозду под углом тридцать два градуса! Длина канала всего шестьдесят пять миллиметров! Мы срежем путь и замкнем таз за две минуты!

— Там же подвздошные сосуды в двух миллиметрах!

— Я проведу тебя! Доверься мне!

В этот момент селектор на стене заверещал с такой силой, что зазвенели стеклянные полки:

— Ковалев! Смирнова! — из динамика брызгал слюной голос начмеда Генделя. За стеклом галереи он колотил кулаком в окно. — Прекратить операцию! В больницу вошел дежурный прокурор города! Немедленно тампонируйте рану простынями и сдавайте труп в реанимацию! Это приказ!

Ярослав поднял ногу в бахиле и тяжелым ударом армейского ботинка впечатал настенный тумблер селектора в штукатурку. Пластик хрустнул, провода брызнули искрами, динамик захлебнулся помехами и смолк навсегда. Наступила звенящая тишина.

Ярослав повернулся ко мне:

— Никаких прокуроров. Здесь командуем мы. Держи гильзу, Лида. Твои глаза — мои руки.

Я ввела длинную титановую гильзу сквозь микроразрез. Раздробленная надкостница была залита скользкой кровью, тупой торец гильзы соскользнул в сторону пульсирующей подвздошной вены. До смертельного прокола оставалось два миллиметра.

Я отбросила страх, погрузила палец левой руки глубоко в рану и ногтем нащупала костный гребешок запирающего отверстия:

— Вектор держу! Тридцать два градуса. Пульсацию вены чувствую пальцем, она сзади. Сверли, Ярослав!

Пульс Самойлова отдавался в подушечку моего пальца через латекс — частый, срывающийся. Ярослав приставил спицу Кишнера и нажал спуск. Сверло пошло в кость: десять миллиметров... двадцать...

И на глубине двадцати восьми миллиметров дрель издала визгливый скрежет!

Инструмент дернулся, высекая сноп микроскопических искр, и намертво заклинил. Мотор захлебнулся.

— Что это?! — выдохнул Ковалев.

Я дала рентгеновский импульс высокой резкости. В самом центре вертлужной впадины сидел деформированный треугольник черного металла длиной в сантиметр.

— Осколок высокоуглеродистой стали от рамы локомотива! — выдохнула я. — Его вбило в сустав при лобовом ударе!

Спица изогнулась дугой. Выдернуть ее значило разорвать вену отломками таза; давить в лоб — сломать металл внутри.

— Сатурация шестьдесят восемь! — крикнул Степаныч. — Остановка дыхания!

— Держи гильзу! — крикнул Ярослав.

Он шагнул вперед и прижался ко мне сзади всем своим огромным, горячим телом. Его тяжелая грудь вдавила мою спину в край операционного стола, подбородок коснулся моего

плеча, а горячее дыхание обожгло шею над воротником. Его руки накрыли мои ладони на рукояти дрели. Четыре руки слились на одном инструменте:

— На малых оборотах, — прошептал он мне прямо в ухо, и от звука его голоса по моим венам пробежал спасительный жар. — Реверс и нажим. Продавим вдоль скола стали. Вместе, Лида! Дави со мной!

Мы стали одним целым. Мы навалились на инструмент всем весом наших тел. Спица со скрежетом коснулась стального осколка, соскользнула по фаске и с хрустом пробила второй кортикал!

И костные фрагменты таза с оглушительным монолитным щелчком сошлись в замок:

*ЩЁЛК!*

На мониторе тазовое кольцо замкнулось с абсолютной точностью. И в тот же миг на датчике стопы Самойлова вместо затухающей линии вспыхнула упругая зеленая синусоида:

*Пип... Пип... Пип...*

— Девяносто восемь процентов! — заорал Степаныч, срывая маску и утирая слезы. — Пульс на стопе упругий! Давление сто десять на семьдесят! Пошел сам!

Я приложила датчик УЗИ к низу живота:

— Кровотечения нет. Компрессия отломков пережала сосуды губчатого вещества. Забрюшинная гематома стабильна.

Ярослав медленно отпустил рукоять дрели. Еще секунду он стоял за моей спиной, тяжело дыша, затем сделал шаг назад и бросил перчатки в лоток:

— Шей кожу, Тома. Мы вытащили его.

А затем посмотрел на меня с такой нежностью и восхищением, что у меня перехватило горло:

— Ты невероятная, Лида. Ты спасла ему жизнь.

### Глава 3. Ключ и кардамон

В пять утра операционная наконец выдохнула. Самойлова перевели в палату интенсивной терапии под наблюдение Степаныча.

Я вышла в стерильный шлюз, стянула шапочку и плеснула в лицо ледяной водой. На щеке остался след от маски, но в душе разливался ни с чем не сравнимый покой. Я толкнула дверь в коридор реанимационного отделения.

У запертых дверей прямо на холодном полу стояла на коленях пожилая женщина в мокром пальто — Анна Васильевна Самойлова, мать машиниста. Она колотила в дверь худыми руками:

— Пустите к сыночку... Дениска... живой ли ты?..

Я опустилась на колени рядом с ней и взяла ее ледяные пальцы в свои ладони:

— Анна Васильевна? Я Лидия Смирнова. Денис жив. Мы провели операцию, нога спасена, таз собран. Он будет жить и ходить.

Женщина замерла, слезы брызнули из ее глаз. Она обхватила меня за шею и зарыдала навзрыд:

— Живой... Господи, живой!.. Спасибо вам, доченька!..

Я помогла ей подняться и отвела к скамейке в холле. И в этот миг от лифтов послышался жесткий стук мужских каблучков.

По коридору шли двое: старший адвокат холдинга Илья Борисович Заславский в кашемировом пальто с кожаной папкой под мышкой и коренастый безопасник Валдаева с перебитой переносицей.

Заславский подошел прямо к дежурной медсестре:

— Мы официальные представители холдинга «Валдаев-ТрансДорСтрой». Нам требуются все личные вещи машиниста Самойлова и блок локомотивного скоростемера КП-3Ф. Это собственность компании, выдайте немедленно.

Медсестра испуганно полезла под стойку. Я встала между ними и Анной Васильевной:

— Стойте. Никаких вещей вы не получите.

Заславский скривился:

— Девушка, вы врач, вот и идите клизмы ставить. Не лезьте в вопросы ценой в миллиарды рублей компенсаций.

— Личные вещи и скоростемер — вещественные доказательства по уголовному делу о крушении поезда с человеческими жертвами. Выемка производится только следователем СК. Любая попытка забрать их сейчас — статья двести девяносто четвертая УК.

Медсестра уже выставила синий пластиковый короб. Поверх куртки лежал тяжелый металлический блок скоростемера — черный ящик поезда.

Безопасник шагнул вперед, протягивая руку в кожаной перчатке:

— Отойди, докторша.

Я молниеносно перегнулась через стойку, вцепилась обеими руками в холодный корпус и сдернула прибор к себе на грудь:

— Руки убрал!

Безопасник железными пальцами выкрутил мое правое запястье, пытаясь вырвать металл. Боль обожгла сустав. И тут Анна Васильевна с криком бросилась на верзилу, вцепившись ему в воротник пальто:

— Не трогай ее, ирод!

Хватка безопасника на миг ослабла. Я вырвала руку, прижала скоростемер к животу, влетела в кабинет дежурного врача и захлопнула дубовую дверь на латунную задвижку.

*БАМ!*

Удар плеча снаружи сотряс дверь:

— Смирнова! — орал Заславский. — Открой, мы вызываем полицию по факту хищения служебного оборудования!

Я опустила скоростемер на стол под свет лампы. И дыхание перехватило.

Свинцовая пломба с клеймом депо была аккуратно надрезана. Один из четырех фиксирующих винтов крышки ослаблен ровно на два оборота. Срез был свежим, блестящим и походил на след тонкого лезвия хирургического скальпеля номер пятнадцать с изогнутым брюшком. Такие лежали только в лотках нашего операционного блока.

Я поняла: к прибору могли подобраться внутри клиники. Кто-то из больничного персонала пытался вскрыть память скоростемера, пока мы оперировали Дениса, чтобы стереть данные об отказе тормозов и обвинить машиниста.

За дверью продолжали ломиться. Твердой рукой я заполнила гербовый бланк сейф-пакета, вписала номер прибора, зафиксировала характер надреза, расписалась и показала пломбу на настенную камеру наблюдения:

— Запись ведется, господа юристы!

Я уложила скоростемер в несгораемый бронированный сейф начмеда, защелкнула ригели и дважды повернула тяжелый ключ, спрятав его в карман брюк.

Снаружи раздался короткий разбег — верзила собирался выбить дверь ногой.

И вдруг в коридоре раздался тяжелый, неторопливый, гулкий шаг. Словно ступал каменный командор.

— Что здесь происходит? — раздался низкий, вибрирующий бас Ярослава Ковалева.

Грохот за дверью смолк.

— Мы представители холдинга... — начал Заславский.

Короткий свист воздуха, сухой треск рвущейся ткани и страшный глухой удар тела о стену! За дверью раздался хрип безопасника и грохот металлических кресел по кафелю. Я прижала ладонь к задвижке: Ярослав был здесь.

— Ярослав Николаевич, вы с ума сошли?! — взвизгнул Заславский; голос отдалился от двери.

— Слушай меня внимательно, господин поверенный, — голос Ковалева звучал тихо, но от этого шепота стыла кровь. — Мое отделение — не скотобойня для зачистки грехов Валдаева. Если через десять секунд вы не исчезнете за воротами больницы, я лично обеспечу каждому по сложному оскольчатому перелому челюсти без анестезии. Время пошло.

Послышались панический топот ног и торопливое дыхание безопасника. Заславский сипло торопил его к лифтам; затем взвизгнули закрывающиеся створки.

В коридоре снова наступила тишина. Три коротких стука в дверь:

— Лида. Выходи. Все чисто.

Я повернула задвижку и толкнула дверь.

Ярослав стоял на пороге в свежей синей рубашке с закатанными рукавами. На костяшках его правого кулака белели ссадины. В левой руке он держал стерильную стеклянную пробирку. Внутри на белой марле лежал зазубренный треугольный осколок локомотивной стали, извлеченный нами из сустава Самойлова.

— Вещдок номер два, — негромко сказал Ярослав, протягивая пробирку мне. — Пусть побудет у тебя. Ты спрячешь надежнее любого сейфа.

Я взяла пробирку. Его теплые, шершавые пальцы коснулись моих — без перчаток, с неприкрытой человеческой теплотой.

За окнами занимался рассвет. Розовые лучи солнца падали на мокрый асфальт Набережной, заливая холл мягким золотом.

— Ну и ночка, Лидия Андреевна, — тихо произнес он, и в уголках его губ дрогнула усталая, теплая улыбка.

— Мы только начали, Ярослав Николаевич, — ответила я, сжимая в кармане холодный ключ от сейфа. — Мы только начали.

\* \* \*

Стеклянная пробирка с зазубренным осколком локомотивной стали оттягивала карман моего белого халата надежной тяжестью. Было без двадцати восемь утра. В высоких окнах третьего этажа разгорался холодный октябрьский рассвет, окрашивая кафель коридора в хрустально-розовый цвет.

Ночная буря стихла. Адреналин, державший меня последние сутки с лишним, уходил из вен, оставляя свинцовую, тягучую пустоту. В висках тяжело пульсировало, пальцы после ювелирной работы с навигационной гильзой сводило мелкой судорогой.

Я стянула мокрую шапочку, распустила волосы и направилась к лестнице, надеясь добраться до метро и упасть на продавленный диван в съемной однушке. Но стоило сделать несколько шагов, как перед глазами поплыли серые хлопья. Колени подогнулись, пол качнулся.

Упасть я не успела.

Сильные руки подхватили меня под лопатки легко и уверенно, словно держали не взрослую женщину, а связку хирургического белья. Ярослав прижал меня к своей широкой груди. От его синей форменной рубашки пахло мылом, антисептиком и горьким табаком.

— Куда собралась, Смирнова? — его низкий, рокошующий бас прогремел у самого уха. — Носом клюешь. Сидеть. Приказ заведующего.

Не слушая моих слабых протестов, он толкнул плечом дубовую дверь ординаторской травматологии, внес меня внутрь и бережно опустил на мягкий кожаный диван. Я уронила голову на высокую спинку, закрыв глаза. В горле пересохло так, что каждое дыхание отзывалось саднящей болью.

Я попыталась дотянуться до стеклянного графина на тумбочке, но пальцы дрогнули, и стакан со звоном выскользнул из рук.

— Сиди смирно, — Ярослава мягко перехватил мои кисти. — Никакой сырой больничной воды. Тебе нужен горячий сахар и темный кофе. Я сам сварю.

Он подошел к журнальному столику, где среди хирургических атласов стояла спиртовая горелка. Щелкнула зажигалка, вспыхнул голубой лепесток пламени. Из ящика Ярослав достал тяжелую чеканную джезvu из темной меди с деревянной ручкой. Засыпал две ложки кофейного порошка тончайшего помола, крупинки тростникового сахара и щепотку растертых семян кардамона.

Через минуту тесную ординаторскую заполнил густой, пряный аромат. Он вытеснил въевшуюся в стены больничную казенщину — запах карболки, крови и хлорамина. Я жадно втянула воздух, чувствуя, как отпускает тугой спазм в затылке.

Я ждала, что сейчас начнется сухой, жесткий разбор ночных огрехов — где я задержала калибровку, где дрогнула рука на сверле. Я уже сжалась, готовясь держать оборону.

Но Ковалев поставил джеззу на деревянную подставку, подошел ко мне и молча опустился на колени прямо на потертый паркет.

У меня перехватило дыхание. Грозный великан, перед которым трепетал весь травмоцентр, стоял передо мной на коленях. Его большие, загрубевшие от скальпелей ладони коснулись моих ног. Он аккуратно стянул разорванные бахилы, расстегнул ремешки медицинских сабо и взял мои ледяные ступни в свои широкие, невероятно горячие руки.

— Ледяные, — негромко проворчал он, сильно и размеренно растирая мои пальцы. — Ты всю ночь в операционной стояла под холодным ламинарным потоком и хоть бы слово сказала. Нельзя так себя жечь, Лида.

От его ладоней исходило такое плотное тепло, что по ногам вверх покатилась горячая волна, разжимая застарелый ком под сердцем. Барьер между нами растаял без остатка.

— Ярослав Николаевич... — тихо выдохнула я. — Гендель утром потребует объяснительную за ночной скандал.

Ковалев поднялся, налил в глиняную кружку густой напиток и вложил ее в мои пальцы. Сел рядом на диван, накрывая мою ладонь своей:

— Забудь про Генделя. Для тебя я Ярослав. И ответь мне честно: почему ты ушла из сытого немецкого центра? Зачем пришла в нашу городскую мясорубку, где начальство считает копейки на шовный материал?

Я сделала обжигающий глоток. Кардамон приятно покалывал язык.

— Там лечили страховки и кошельки, а не людей, — глухо ответила я. — Красивые 3D-картинки для богатых ипохондриков. Мне осточертело торговать иллюзиями. Нужно было настоящее дело, где от одного микрона зависит — встанет парень на ноги или сгниет в инвалидной коляске.

Ярослав посмотрел на меня долгим взглядом. В его серых глазах отразилось солнце.

— Понимаю. Редко кто сейчас выбирает крест вместо чековой книжки.

Мой взгляд упал на его правую кисть. Белесые рубцы пересекали тыл ладони и уходили под манжету. Повинуясь внезапному душевному порыву, я коснулась кончиками пальцев грубой ткани шрама. Ярослав вздрогнул, челюсти сжались, но руку он не убрал.

— Откуда это?

— Пять лет назад. Трасса М-4, школьный автобус вылетел под фуру, — негромко сказал он. — Семь тяжелых пацанов привезли разом. Я оперировал тридцать часов подряд без сна. Руки сводило судорогой, осколок спицы лопнул и распорол мне сухожилия разгибателей. Шили прямо на ходу, под новокаином, пока я держал отломки свободной рукой. С тех пор я никого не подпускал к своему столу. До сегодняшней ночи. До тебя.

Его пульс под моими пальцами бился размеренно и тяжело. Между нами возникло хрупкое, святое доверие.

— Гендель все равно попытается меня убрать, — вздохнула я.

— Пусть попробует. — Ярослав подошел к дубовому столу, достал гербовый бланк кафедры и четким почерком написал: «Ректору медицинского университета. ходатайствую о выделении ставки старшего научного сотрудника и создании лаборатории интраоперационного 3D-моделирования для доктора Смирновой Л.А. В случае отказа слагаю полномочия руководителя центра политравмы».

Шлепнула синяя гербовая печать.

— Ректор скорее Генделя сотрет в порошок, чем отпустит меня, — Ярослав протянул копию мне. — Теперь ты здесь хозяйка, Лида. По праву.

Я взяла документ, чувствуя, как веки окончательно наливаются свинцом. Голова бес- сильно качнулась. Ярослав осторожно притянул меня к себе и накрыл мои плечи своим тяже- лым шерстяным свитером крупной вязки:

— Спи, Лида. Я держу тебя.

Я уткнулась носом в его теплое плечо. Монотонный, мощный стук его сердца убаюкивал лучше любого лекарства. В этой тишине запертой ординаторской я впервые за многие годы почувствовала себя защищенной.

## Глава 4. Живая стопа

Я проснулась без четверти десять от солнечного луча. На столике стоял стакан с минеральной водой, а на листке блокнота почерком Ярослава было выведено: «Я в ОРИТ. Жду тебя на обходе».

Умывшись ледяной водой и сменив костюм, я поспешила на второй этаж.

В палате интенсивной терапии № 3 воздух дрожал от писка кардиомониторов. У третьей кровати стояли Ярослав и Степаныч. Интубационную трубку уже сняли, на лице Дениса Самойлова была кислородная маска. Парень метался по простыням, серые глаза были полны панического ужаса. На мониторе пульс разгонялся до ста тридцати ударов в минуту.

Я подошла к изголовью и положила прохладную ладонь на его мокрый, горячий лоб:

— Денис. Посмотри на меня. В глаза мне посмотри.

Мой голос прозвучал мягко, но уверенно. Зрачки парня сфокусировались на моем лице.

— Я твой доктор, Лидия Андреевна. Самое страшное позади. Ты в реанимации, дышишь сам. Слушай мой голос и дыши со мной. Вдох... выдох.

Частокл зубцов на мониторе дрогнул, пополз вниз: сто пятнадцать, девяносто восемь, восемьдесят шесть. Степаныч одобрительно крикнул в седые усы.

— Доктор... — еле слышно прошептал Денис.

Ярослав откинул край простыни, обнажая правую ногу машиниста. Карбоновая штанга аппарата наружной фиксации жестко держала таз и бедро. Пальцы стопы казались бледными из-за функционального спазма после шока.

— Пульс на тыле стопы пальпаторно не определяется, — нахмурилась сестра. — Неужели тромбоз?

Денис уловил ее слова, и лицо его исказилось мукой:

— Нога... Вы ее отрезали?! Доктор, не врите... Я калека?!

— Тихо, парень, — Ярослав нахмурился. — Лида, дай ультразвук.

Я включила портативный доплерограф с карандашным датчиком, нанесла гель на тыл стопы и прижала датчик к проекции *arteria dorsalis pedis*. Секунда тишины — и динамик огласил палату сочным свистом пульсовой волны:

*Вуш-ш... вуш-ш... вуш-ш!*

— Слышишь? — улыбнулась я Денису. — Это поет твоя артерия. Нога цела, кровоток отличный.

Ярослав взял здоровую руку парня и положил ее на пальцы его правой ноги:

— А теперь сожми пальцы стопы. Работай мышцами!

Денис зажмурился от предельного усилия. И пальцы спасенной ноги медленно согнулись, коснувшись его ладони.

По щекам взрослого мужчины покатались крупные слезы. Он сжимал пальцы своей ноги и рыдал, не стыдясь никого:

— Живая... Господи, живая!

В углу палаты вскрикнула пожилая женщина в сером платке — Анна Васильевна Самойлова, мать Дениса. Дрожащими руками она достала из пальто холщовый мешочек со сбережениями:

— Ярослав Николаевич... Христа ради, возьмите! Все, что за тридцать лет в школе скопила... Только поднимите сына!

Ковалев перехватил ее руки и заставил спрятать мешочек обратно:

— Анна Васильевна, прекратите. В моем отделении денег за жизни не берут. А благодарить надо доктора Смирнову. Ночью консилиум требовал ампутации на уровне таза. Лидия

Андреевна пошла против всех, доказала жизнеспособность сосудов и вела мои руки. Ей кланяйтесь.

Пожилая учительница повернулась ко мне, обхватила мои пальцы и прижалась к ним губами, омывая слезами:

— Доченька... Родная моя... Всю жизнь за тебя молиться буду!

— Анна Васильевна, встаньте, прошу вас, — я с трудом сдержала слезы, поднимая ее за плечи. — Ваш сын настоящий герой. Он держал тормоз до последнего удара.

Ярослав тем временем взялся за карбоновую штангу аппарата наружной фиксации и приложил усилие на излом и скручивание — не меньше двадцати килограммов. Конструкция стояла как влитая, отломки таза не шелохнулись.

— Стоит намертво, — кивнул Ярослав.

Из коридора донесся голос телевизора: диктор вещал о «возможной ошибке локомотивной бригады».

Денис побелел от гнева:

— Какая ошибка бригады?! Светофор горел зеленым! Скорость была восемьдесят два! Перед стрелкой на сто сорок втором километре насыпь поплыла у меня на глазах — полотно просело на полметра! Рельс лопнул и вздыбился клином, пробив пол кабины снизу! Я экстренное дал, песок бросил и до последнего держал тормоз, чтобы людей спасти! Пути были гнилыми!

— Они посадят Дениску! У Валдаева миллиарды! — заплакала мать.

Ярослав положил ладонь на плечо матери, а я сжала пальцы Дениса:

— Никто его не посадит, Анна Васильевна. У нас есть объективные данные, и мы докажем на любом следствии, что ваш сын спас поезд.

\* \* \*

К одиннадцати часам утра вопрос о рабочем месте встал ребром. Ярослав повел меня в дальнее крыло четвертого этажа, прямо напротив операционного шлюза. Здесь за дверью с табличкой «Архив историй болезней № 4» скрывалось просторное сорокаметровое помещение с лепным потолком и полукруглым окном в парк.

На двери висел амбарный замок. Завхоз Михалыч встал в позу:

— Без визы Генделя не пущу!

Ковалев молча выдернул с пожарного щита тяжелый стальной лом, загнал конец под дужку замка и навалился плечом. Проушина вылетела из вековой дубовой рамы с сухим грохотом.

— Помещение принято заведующим, — спокойно бросил Ярослав. — Михалыч, тащи краску и швабру, если не хочешь до пенсии чистить жируловители в подвале.

За сорок минут мы с Ярославом пробросили сорок метров бронированного оптоволоконного кабеля сквозь подвесной потолок прямо к серверной оперблока, соединив томограф со станцией. В полдень доставили сорокакилограммовый вычислительный блок двухпроцессорной графической станции.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.